

Внедрение электронного документооборота в трудовых отношениях представляет собой важный этап в цифровой трансформации HR-систем. Использование электронных документов и цифровых подписей открывает возможности для оптимизации кадровых процессов, снижения административных расходов и повышения прозрачности взаимодействия между работниками и нанимателями.

Таким образом, успешная реализация этих систем зависит от ряда факторов: совершенствования нормативно-правовой базы, развития технической инфраструктуры и повышения цифровой грамотности всех участников. Исходя из мировых тенденций и опыта цифровизации, можно с уверенностью сказать, что роль электронного документооборота будет только расти, способствуя формированию более гибкой, современной и эффективной системы регулирования трудовых отношений.

Список использованных источников:

1. Жильников, А.Ю. Электронный документооборот / А.Ю. Жильников, О.С. Михайлова // Территория науки. – 2017. – № 2. – С. 23-27.
2. Об электронном документе и электронной цифровой подписи: Закон Респ. Беларусь от 28 декабря 2009 г. №113-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 16 марта 2026 г. №134-З // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 06.04.2026).
3. Трудовой кодекс Республики Беларусь: 26 июля 1999 г. № 296-З: принят Палатой представителей 8 июня 1999 г.: одобрен Советом Респ. 30 июня 1999 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 9 декабря 2025 г. № 110-З // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 06.04.2026).

**МЕДИАЦИЯ КАК АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ СПОСОБ РАЗРЕШЕНИЯ
ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ СПОРОВ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И ГРУЗИИ**

Мороз О.Л.,

старший преподаватель кафедры гражданского права и гражданского процесса учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», магистр юридических наук

Лисовская М.Д.,

студентка юридического факультета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Медиация представляет собой самостоятельный и взаимовыгодный способ разрешения гражданско-правовых споров путем участия третьей стороны. Главной целью, а вместе с тем и главным достоинством, данного способа является выявление компромиссного решения, которое будет устраивать обе стороны, а не заключаться в поиске виновного. Также важным

преимуществом выступает факт того, что медиатор, как беспристрастный участник данного процесса, помогает наладить диалог между участниками, не принимая при этом чью-либо сторону. Актуальность данной темы выражается в том, что всё больше и больше стран вводят процедуру медиации как высокоэффективный способ разрешения гражданско-правовых споров.

Несмотря на единую суть процесса медиации, определение данного понятия в законодательстве различных стран трактуется совершенно по-разному. Так, в статье 1 Закона Республики Беларусь «О медиации», медиация представляет собой переговоры сторон с участием медиатора в целях урегулирования спора (споров) сторон путем выработки ими взаимоприемлемого соглашения [1]. В то время, как в законодательстве Грузии указывается, что под медиацией следует понимать процесс, независимо от его наименования, с помощью которого две или несколько сторон при содействии медиатора стремятся завершить спор взаимным соглашением, независимо от того, начат ли этот процесс по инициативе сторон или на основании и в порядке, установленных законом [2]. Характерной чертой медиации в Грузии является то, что законодатель фокусируется не столько на четкость формулировки понятия, сколько на понимание самого процесса. Также в определении данного понятия делается акцент на основание возникновения процесса медиации, а именно, возник он по инициативе сторон или на основании закона. Понятие, закрепленное в законодательстве Республики Беларусь, хоть и является более кратким, но в достаточной мере раскрывает суть процесса медиации.

Также отдельным основанием для сравнительного анализа выступают принципы, на которых строится процесс медиации в Республике Беларусь и Грузии. основополагающие принципы, такие как добросовестности, равноправия сторон, добровольности, конфиденциальности, у рассматриваемых нами стран крайне схожи. Однако, отдельный интерес вызвал принцип самоопределения в законодательстве Грузии. Принцип самоопределения подразумевает под собой право сторон самостоятельно принимать решения, касающиеся участия в процессе медиации, порядка его проведения, содержания медиативного соглашения. Данный принцип крайне схож с принципом добровольности, однако и имеет концептуальные отличия. Если речь идет о принципе добровольности, то подразумевается свобода присутствия, желает сторона участвовать в медиации или нет. В то время, как под самоопределением понимается способность управления своими решениями, а именно, выработка условий, которые будут устраивать стороны, формирование медиативного соглашения и так далее. Медиатор не вправе принять решения без мнения сторон. Медиатор выступает лишь в роли посредника и направляет в нужное русло, в то время как стороны договариваются самостоятельно.

К лицу, претендующему на роль медиатора, предъявляются специальные требования. В Республике Беларусь не может быть медиатором лицо, имеющее судимость, являющееся государственным служащим,

признанное ограниченно дееспособным или недееспособным, в отношении которого принято решение о прекращении действия свидетельства медиатора и иные ограничения [1]. В Грузии внимание акцентируется на квалификационные критерии, которые следует учитывать при выборе медиатора. К таким критериям относится опыт проведения процесса медиации или иного вида переговоров, опыт участия в процессе судебного производства или разрешения споров альтернативным путем, опыт работы по правовым вопросам, аккредитация признанной организации по медиации, эффективное проведение медиации, отыскание путей альтернативного разрешения спора, деловая репутация, авторитет медиатора и так далее [2]. В данном случае законодатель Грузии использует абстрактные и оценочные критерии. Если профессиональный опыт можно рассчитать путем подсчета удачно урегулированных споров, то такие критерии, как деловая репутация или авторитет сложно принять во внимание, так как не совсем ясно, что конкретно следует понимать под данными понятиями.

Значимые различия наблюдаются и в процедуре назначения медиатора. В Республике Беларусь стороны по взаимному согласию выбирают медиатора, а при необходимости организации, обеспечивающие проведение медиации, предоставляют сведения о кандидатах [1]. В Грузии же законодатель более детально регламентирует данный процесс. При судебной медиации стороны избирают медиатора из списка, составленного судом на основании Единого реестра медиаторов. Если стороны не могут прийти к согласию в течение трех дней, уполномоченный орган Ассоциации медиаторов Грузии назначает медиатора самостоятельно [2]. При частной медиации в аналогичной ситуации исполнительный совет Ассоциации медиаторов Грузии также назначает медиатора из реестра. Таким образом, грузинская модель предусматривает механизм «вынужденного назначения», который позволяет избежать затягивания процедуры из-за разногласий сторон по кандидатуре медиатора.

Особого внимания заслуживают требования к независимости и беспристрастности медиатора, закрепленные в законодательстве Грузии. Статья 6 Закона Грузии «О медиации» устанавливает, что медиатор обязан уведомить стороны о любом обстоятельстве, которое может поставить под сомнение его независимость. При этом даже при наличии письменного согласия сторон медиатор вправе отказаться от проведения медиации. Более того, законодатель Грузии вводит абсолютные запреты: лицо не может быть медиатором, если оно ранее было стороной того же или связанного дела, представителем стороны в суде или арбитраже, либо оказывало стороне юридические или аудиторские услуги [2]. Аналогичные ограничения действуют и в отношении судей, прокуроров, следователей, нотариусов-медиаторов, которые ранее участвовали в деле. Белорусское законодательство также содержит требование беспристрастности, однако подобных детализированных ограничений, связанных с предшествующим участием в деле, не предусматривает.

Процедура проведения медиации в обеих странах имеет как общие черты, так и отличия. В Республике Беларусь медиатор не вправе вносить сторонам свои предложения по урегулированию спора [1]. В Грузии же при наличии согласия сторон медиатор может предложить сторонам условия медиативного соглашения с учетом их интересов и позиций, выраженных в ходе процесса [2]. Данное различие отражает разный подход к роли медиатора: в Республике Беларусь он является исключительно организатором переговоров, тогда как в Грузии допускается его более активное участие в выработке условий соглашения, но без права самостоятельного принятия решения по спору.

Отдельным критерием для сравнительного анализа выступает завершение медиации. Белорусский законодатель предусматривает четыре основания: заключение медиативного соглашения, истечение срока, письменный отказ сторон, иные случаи, предусмотренные законом или правилами [1]. В Грузии законодатель дополняет этот перечень случаем, когда медиатор после консультаций со сторонами заявляет, что продолжение медиации является неразумным и неоправданным [2]. Это позволяет медиатору прекратить затянувшуюся процедуру, которая утратила перспективу достижения соглашения.

Медиативное соглашение в обеих странах заключается в письменной форме и подписывается сторонами и медиатором. В Республике Беларусь оно должно содержать сведения о сторонах, медиаторе, предмете спора, принятых обязательствах и сроках их выполнения [1]. В Грузии перечень обязательных элементов не конкретизирован, однако соглашение должно быть исполнено судом по согласованию сторон либо по требованию одной из сторон [2].

Важным институциональным отличием выступает наличие в Грузии Ассоциации медиаторов Грузии. Оно представляет собой юридическое лицо публичного права, которое осуществляет саморегулирование медиаторов. Ассоциация ведет Единый реестр медиаторов, утверждает программу сертификации медиаторов и единый стандарт этики, избирает председателя и исполнительный совет, устанавливает членские взносы [2]. В Республике Беларусь функции ведения реестров и квалификационной комиссии осуществляет Министерство юстиции [1]. Таким образом, в Грузии реализована модель саморегулирования профессии медиатора, тогда как в Беларуси сохраняется государственное регулирование.

В заключение следует отметить, что, несмотря на общую цель урегулирования споров, законодательные модели медиации в Республике Беларусь и Грузии демонстрируют существенные различия. Грузинская модель характеризуется более детальной регламентацией процедуры, наличием механизмов назначения медиатора при отсутствии согласия сторон, институтом саморегулирования, а именно, Ассоциация медиаторов, возможностью активного участия медиатора в выработке условий соглашения, а также отсутствием жестких сроков проведения медиации. Белорусская модель ориентирована на государственный контроль (через Министерство юстиции), более пассивную роль медиатора, ограниченные сроки

и формализованные требования к медиатору. Опыт Грузии может представлять интерес для дальнейшего совершенствования законодательства Республики Беларусь в части внедрения элементов саморегулирования и расширения сферы применения судебной медиации.

Список использованных источников:

1 О медиации: Закон Республики Беларусь, 12 июля 2013 г., № 58-З: в ред. Закона от 17 июля 2023 г., № 292-З // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 07.04.2026).

2 О медиации: Закон Грузии, 18.09.2019 г., № 4954-Пв: в ред. Закона от 22.06.2021, № 667 // Медиация Европа-Азия | Законодательство, медиаторы, аналитика. – URL <https://mediation-eurasia.pro/zakonodatelstvo/zakon-gruzii-o-mediaci/> (дата обращения: 07.04.2026).

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДОПУСТИМОСТИ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И ГЕРМАНИИ

Мороз О.Л.,

старший преподаватель кафедры гражданского права и гражданского процесса учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», магистр юридических наук

Ловинская У.И.,

студентка юридического факультета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Цифровая трансформация общественных отношений объективно обуславливает необходимость адаптации процессуального законодательства к широкому использованию электронных доказательств. Развитие информационных технологий, цифровизация документооборота и распространение электронных коммуникаций существенно изменяют характер доказательственной базы в гражданском процессе.

В Республике Беларусь с принятием Кодекса гражданского судопроизводства от 11 марта 2024 г. электронные доказательства получили легальное закрепление в качестве самостоятельного средства доказывания, что свидетельствует о модернизации национальной процессуальной системы. В Германии, обладающей устойчивой и развитой судебной практикой, соответствующие положения давно интегрированы в Гражданское процессуальное уложение и активно применяются судами.

Цель исследования заключается в выявлении сходств и различий в подходах к допустимости электронных доказательств в гражданском процессе Германии и Республики Беларусь, а также в определении перспективных направлений совершенствования белорусского законодательства с учётом зарубежного опыта.